

в «Материалах к Российской грамматике» на стр. 609 имеется весьма интересная заметка: «Разница межъ почернѣть и буду-чернѣть и межъ почернѣть и чернѣть». В этой заметке существенно намечающееся распределение глаголов по видовому принципу: сопоставляется прошедшее и будущее время двух глаголов, различающихся видами. Однако в тех параграфах, на которые даны ссылки в примечаниях к этой заметке (§§ 67 и 68), такого сопоставления нет, там речь идет о различных отдельных временах. На стр. 926 редакторы считают ошибочным один из примеров Ломоносова на диерезис, а именно *evoluisse* вместо *evoluisse*. Здесь, по их мнению, происходит замена согласного звука близким по артикуляции гласным. Но ведь латинское *o* собственно звучало как неслоговое *u*, да и вообще, в случае сочетания собственно гласного с сонантом (а *o* является сонантом), при любой последовательности соответствующих элементов мы имеем дело, собственно говоря, с дифтонгическим сочетанием.

В некоторых случаях примечания отсутствуют, когда их следовало бы дать. Так, в «Материалах к Российской грамматике» на стр. 632 Ломоносов сопоставляет и приводит рамкой (но без всяких комментариев) формы «Свекры, свекровь». Никакого примечания здесь нет. Между тем самый факт сопоставления интересен. Первая форма старославянская, а также диалектная русская (именно южновеликорусская), вторая — русская литературная (а также свойственная ряду диалектов). Следовало сказать хотя бы о принадлежности этих форм. На стр. 658 среди исчезнувших языков приводится «аларбейской». В примечаниях к старому академическому изданию под редакцией Сухомлинова было высказано достаточно правдоподобное предположение, что Ломоносов имел в виду алародийский язык. В настоящем издании здесь никакого примечания нет.

Немецкие и латинские тексты, встречающиеся у Ломоносова, приведены в подлиннике и везде сопровождаются русским переводом, обычно выполненным весьма тщательно. Лишь в немногих случаях встречаются неточности. Так, например, на стр. 870—871 разъяснения по поводу мягких согласных в русском языке переведены следующим образом: «...ь... dienet in solchem Fallezum Zeichen, dass der vorhergehende Mitlauter gelinde und gleichsam als mit einem *i* verbunden, ausgesprochen werden muss...» — «...ь... начинается в таком случае, что предыдущая согласная должна произноситься мягко...». Формально этот перевод правилен. Но следует отметить, что в немецком здесь употреблена форма *gelinde*, а не *weiche*. Последний термин Ломоносов, в соответствии с его употреблением у немецких лингвистов, использует в качестве эпитета звонких (т. е. ненапряженных) согласных. Редакторы оба термина (и *weiche*, и *gelinde*) передают без каких бы то ни было примечаний одним и тем же русским термином «мягкий».

Помимо указателя личных имен, желательно было дать в конце также предметный указатель.

Отмеченные выше недочеты большей частью носят частный характер, а, кроме того, представлены в очень небольшом количестве. Издание же в целом представляет огромную ценность для советского читателя. Оно дает возможность не только специалистам, но и самым широким слоям советского общества ознакомиться с тем вкладом, который сделал Ломоносов в сокровищницу русской и мировой филологической науки, а также следить за развитием научной мысли нашего первого великого ученого.

П. С. Кузнецов.

Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. С предисл. и под ред. В. В. Виноградова. — М., Учпедгиз, 1953. 368 стр.

Книга проф. Л. П. Якубинского «История древнерусского языка», изданная посмертно, предназначена служить учебным пособием студентам-филологам. В ней рассматриваются вопросы, связанные с тремя основными проблемами: 1) происхождение славянской общности языков и письменности у славян, 2) роль церковнославянского языка в Киевской Руси X—XI вв. и вопрос о древнерусском литературном языке и 3) развитие фонетического и грамматического строя русского языка. Разберем содержание труда Л. П. Якубинского в указанных трех направлениях.

1

Рассматривая вопрос о родстве славянских языков между собой, Л. П. Якубинский выделяет некоторые слова, восходящие к общеславянскому языку-основе, показывает общность склонения в разных славянских языках, устанавливает фонетические соответствия между ними и делает правильный вывод о том, что общность славянских языков объясняется общностью их происхождения из общеславянского языка-основы. Однако, хотя используемые Л. П. Якубинским лексические примеры из раз-

ных славянских языков являются интересными, а проводимые сопоставления правомерными, общий вывод автора о том, что первоначальные значения слов были диффузными, слитными, не вытекает из приведенных иллюстраций и сопоставлений и звучит необоснованно. Все же в целом раздел, посвященный изложению языкового родства славян, читается с большим интересом и представляется ценным в научном отношении.

Главы, посвященные первобытному письму у славян и возникновению буквенного письма, стоят на уровне тех знаний, которыми располагала наука в 30-х годах, когда составлялась рецензируемая работа. Анализируя термины, обозначающие письмо, чтение, книгу и т. п., автор приходит к выводу, что все эти термины возникли в общеславянскую эпоху, что, следовательно, славяне уже тогда обладали письменностью, хотя при этом Л. П. Якубинский и предполагает, что письменность того периода была пиктографической. Что же касается буквенной письменности, то тут автор излагает известные теории о заимствовании Киевской Русью письменности и буквенного алфавита у южных славян. Между тем в настоящее время, как правильно указывает во вступительной статье к книге Л. П. Якубинского акад. В. В. Виноградов, «есть новые факты, новые археологические открытия, существенно изменяющие традиционный взгляд на зарождение и распространение буквенного письма у восточных славян, на роль письменной восточнославянской речи в быту, в общественной жизни и государственной практике восточного славянства» (стр. 11)¹. Если бы Л. П. Якубинский был жив, он несомненно во многом переработал бы, как правильно указывает также В. В. Виноградов, этот раздел своей книги. Однако в целом самые материалы, относящиеся к изложению истории первобытной письменности у славян, сохраняют научное значение и в настоящее время.

Имеются в рассматриваемом разделе и отдельные фактические неточности. Так, автор утверждает, что слово *буква* существует в восточных и южных славянских языках, а в западных славянских языках оно позднее было вытеснено латинским словом *литера* (стр. 75). Но слово *буква* вытеснено словом *литера* не только у западных, но и у части восточных славян: в белорусском языке нет его совсем, а в украинском употребляется и слово *буква*, и слово *литера*; в сербском языке отсутствует и то и другое слово, а в этом значении употребляется слово *писмено*.

2

Изложение вопросов, связанных с историей литературного языка в Киевской Руси, автор расчленяет на две самостоятельные части; в первой он излагает свою точку зрения на роль церковнославянского языка в Киевской Руси X—XI вв., во второй — рассматривает вопрос о возникновении древнерусского литературного языка. Между этими частями включен очерк исторической фонетики и грамматики. Такое расположение материала представляется странным и совершенно немотивированным, поэтому мы рассмотрим две названные выше части книги Л. П. Якубинского вместе.

До самого недавнего времени теория о том, что в Киевской Руси в роли литературного выступал церковнославянский язык, который позднее «национализировался», имела широкое хождение. С этой точки зрения русский литературный язык представляет собою обрусевший церковнославянский язык. В 30-х годах эта точка зрения была господствующей. Однако Л. П. Якубинский разрабатывал другую теорию, которая и нашла выражение в его «Истории древнерусского языка». По мнению Л. П. Якубинского, церковнославянский и древнерусский язык последовательно сменяют друг друга; первый был литературным и государственным языком в Киевской Руси до XI в.; в XI в. его сменяет русский язык, становящийся с этого времени литературным и государственным языком Киевской Руси, причем этот последний возникает не на основе церковнославянского языка, а на древнерусской народной основе. «Непело считать, — говорит по этому поводу Л. П. Якубинский, — что древнерусский литературный язык произошел из церковнославянского путем постепенного „обрусения“ этого последнего» (стр. 273).

Сама постановка вопроса о том, что русский литературный язык возник не на иноземной, а на народной основе, является значительной заслугой Л. П. Якубинского, и его позицию по рассматриваемому вопросу, особенно для 30-х годов, нельзя не считать прогрессивной. Однако в других отношениях взгляды Л. П. Якубинского вызывают возражения. Так, его утверждение о том, что до XI в. русского литературного языка не существовало, что до этого времени в Киевской Руси в роли литературного и государственного языка выступал церковнославянский, не имеет должных оснований.

Л. П. Якубинский указывает, что в «Повести временных лет» под 912, 945 и 972 гг. помещены три договора русских князей с Византией и что язык всех трех договоров — церковнославянский. Из этого делается вывод: «Таким образом, языком княжеской

¹ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на страницы обсуждаемой работы Л. П. Якубинского.

канцелярии Киевской Руси, ее государственным языком, в X в. был церковнославянский язык» (стр. 89).

«Изменения в развитии собственно государственного языка, т. е. языка государственных актов (законов, договоров, грамот и т. п.), — говорит ниже Л. П. Якубинский, — произошли в первой половине XI в. Первый записанный закон Киевского государства „Русская правда“, составление древнейшей, краткой редакции которой, несомненно, относится к первой половине XI в., был записан на древнерусском, а не на церковнославянском языке» (стр. 279). Из этих данных делается вывод, что до XI в. в Киевской Руси государственным языком был церковнославянский, а с XI в. — древнерусский.

Нам представляется, что приводимые Л. П. Якубинским доводы являются совершенно недостаточными для обоснования сделанных им выводов. Тот факт, что крупный памятник древнерусского языка «Русская Правда» относится к XI в., вовсе не обозначает, что не существовало памятников на древнерусском языке, относящихся к более раннему времени. Не получило развернутого обоснования и мнение Л. П. Якубинского о том, что язык договоров X в. был южнославянским. Пока не доказано, что такие памятники древнерусской письменности, как «Слово» Иллариона и произведения Кирилла Туровского, написаны не на церковнославянском языке, остается несомненным только то, что, наряду с древнерусским литературным языком, в Киевской Руси использовался и церковнославянский язык. Всякие более широкие обобщения или более определенные выводы в настоящее время, до осуществления дальнейших углубленных исследований, были бы преждевременными.

Для обоснования своего утверждения о том, что в XI в. в Киевской Руси произошла смена одного государственного языка — церковнославянского другим государственным языком — древнерусским, Л. П. Якубинский приводит и некоторые социологические соображения. Он пишет: «Положение вещей менялось по мере того, как росли и крепились города, по мере того, как росло политическое значение городских народных масс. Выход городских народных масс на политическую арену, активное их участие в политической жизни и было основной причиной, вызвавшей изменения в развитии письменного языка» (стр. 278).

Нам представляется, что здесь Л. П. Якубинский стоит на неправильной позиции. Такая причина, как приобретение теми или иными слоями населения большего или меньшего политического значения, недостаточна для того, чтобы вызвать замену одного государственного письменного языка другим. Соотношения политического характера между различными группами населения неоднократно могут меняться и на протяжении одной общественно-экономической формации, но история не дает нам указаний на то, чтобы подобные колебания политического характера связывались с глубокими изменениями хотя бы даже в области письменного языка.

Образование древнерусского литературного языка определялось потребностями развития древнерусского общества в целом; этот язык возник не в результате того, что «господствующий класс вынужден был считаться с подъемом политического значения городской массы», как думает Л. П. Якубинский, а в результате развития производства и усложнения общественной жизни, роста ремесла и торговли, т. е. общего неуклонного роста древнерусского общества, существовавшего и успешно развивавшегося на протяжении длительного исторического периода.

Для подтверждения того, что в XI в. на смену церковнославянскому литературному языку пришел древнерусский литературный язык, Л. П. Якубинский ссылается на тот факт, что в Западной Европе в более позднее время также имела место замена латинского языка национальными языками Европы. Однако автор забывает при этом, что в Западной Европе вытеснение латинского языка с позиций, которые он занимал, было связано с весьма широкими национально-освободительными движениями в условиях исторической победы капитализма над феодализмом, имевшей определяющее значение для всей жизни общества этих стран.

Отвергая основную историческую концепцию автора о развитии древнерусского литературного языка, мы, однако, должны подчеркнуть, что фактический материал этой части книги представляет большую научную ценность. Наблюдения автора над языком «Русской Правды», «Поучения Мономаха», «Слова о полку Игореве» значительно дополняют наблюдения, сделанные С. П. Обнорским.

В рецензируемом труде Л. П. Якубинского содержится краткий очерк исторической фонетики и грамматики. В этом разделе автор дает сводку общезвестных научных положений, но по целому ряду отдельных вопросов высказывает и самостоятельные соображения; достаточно, например, назвать страницы, посвященные истории указательных местоимений, генезису собственно личных местоимений и др. Автор выдвигает интересную гипотезу о наличии в общеславянском языке-основе трехчленной си-

стемы указательных местоимений. «В общеславянском, — говорит Л. П. Якубинский, — *сь* значило „этот, ближайший“, *тѣ* — „тот, по близости“, *онѣ* — „тот, отдаленный“. В древнерусском существуют все эти три указательных местоимения, но различия между *тѣ* и *онѣ* уже теряется» (стр. 192). Автор подкрепляет свои соображения параллелями из латинского, а также армянского и древнегрузинского языков.

Весьма интересна мысль автора о том, что собственно личные местоимения восходят к указательным местоимениям. «Первое лицо, — говорит он, — это обычно местоимение ближайшей степени, первой степени „близости“; таким образом, „я“, „мы“ — это (генетически) ближайшее ко „мне“, „нам“ пространство, „здесь“, в том числе и я, мы; „ты“, „вы“ — это в основе местоимение второй степени, „то“, „там“, где находятся ты, вы» (стр. 205). Однако эти соображения автор не подкрепляет материалами славянских языков, а лишь некоторыми примерами из турецкого языка.

Вместе с тем и этот раздел книги Л. П. Якубинского не лишен недостатков. Так, в главах по исторической фонетике неточны формулировки автора, касающиеся судьбы сочетаний *ej*, *ej*. Он пишет: «Глухие в сочетании с последующим *i* имели разную судьбу в древнерусских диалектах, легших в основу русского языка, и в древнерусских диалектах, легших в основу украинского и белорусского языков. В первых сочетаниях *ej*, *ej* дали *oj*, *ej*: *мѣју* > *мою* (от *мытъ*), *добрѣју* > *добрый*, *слѣпѣју* > *слепой*; во вторых в подобных случаях получалось не *o* и *e*, а *y* и *u*» (стр. 143). В действительности, как об этом свидетельствуют данные сравнения восточнославянских языков, редуцированные *ъ* и *ь* в положении перед *i*, где они издавна заменялись на *й* и *й* редуцированные, имели общую судьбу во всех древнерусских говорах: они переходили в сильной позиции в нередуцированные *ы* и *и*. Вновь возникавшие сочетания *ий*, *ий* имели разную судьбу в русском языке сравнительно с украинским и белорусским: в русском они перешли в *ой*, *ей*, в украинском и белорусском сохранились как *ий*, *ий* или подверглись стяжению (ср. белорусск. — *мыю*, *сляпы*, *бі*, *пі*, *ві*, русск. — *мою*, *слепой*, *бей*, *пей*, *вей*).

Без должной дифференциации трактует Л. П. Якубинский факты изменений в древних сочетаниях *tort*, *tolt*. Автор делает в начале раздела, посвященного этим сочетаниям, весьма невразумительное замечание о допустимости как *tort*, так и *tart*, как *tolt*, так и *talt* для всех славянских языков, основываясь на том, что «общеславянское *o* было звуком открытым и близким к *a*» (стр. 125). В связи с этим, восстанавливая общеславянское звучание корней, автор то указывает в одних и тех же корнях *or* наряду с *ar* [ср. на стр. 127 **borda* (resp. **barda*), на стр. 128 — **porsę* (resp. **parsę*)], то только одну какую-нибудь огласовку (ср. на стр. 128 **gordъ*, но **valdēti* для слов *городъ* и *володѣти*). Между тем, излагая факты истории восточнославянских языков, следовало указать на то, что в их диалектах, как и в диалектах северо-западных славянских языков, долгота и краткость гласных в указанных сочетаниях совпали, и возможными были лишь сочетания *tort*, *tolt*, а не *tart*, *talt*.

Неточно изложена история звука *ѣ* в русском языке. Автор пишет: «Звук *ѣ* проник в язык по преимуществу образованных людей из греческого языка — как непосредственно, так и через посредство старославянского, а также и из других иностранных языков. Образованные люди выучивались произносить звук *ѣ*, как звук иностранного языка. Однако и образованные люди, а тем более широкие слои населения часто подставляли вместо чуждого для них звука *ѣ* какой-либо близкий к нему звук или звуко-сочетание своего языка. Впоследствии под влиянием знания греческого языка в литературном языке все же, как правило, закрепилось произношение *ѣ*» (стр. 148).

Хотя ниже в том же разделе Л. П. Якубинский указывает и на появление звука *ѣ* в исконно русской лексике после падения редуцированных в результате оглушения звука *ѣ*, он не подчеркивает, что именно эта причина (а не знание греческого языка) и явилась основной при усвоении звука *ѣ* в заимствуемой лексике. Имеется целый ряд звуков, которые могли бы проникнуть и не проникли в русский язык вместе с заимствованными словами. Основой усвоения *ѣ* в заимствованных словах явилось то, что после падения редуцированных гласных звук *ѣ* развивался в середине слова перед согласными и на конце слова при оглушении *ѣ* в тех говорах, где *ѣ* был губно-зубным (*коровѣка* > *корофка*; *травѣка* > *трафка*; *дровѣ* > *дроф*). Таким образом, возможность появления *ѣ* в качестве самостоятельной фонемы была подготовлена всем ходом развития фонетической системы. Если в языке отсутствовала пара *ѣ* — *ѣ*, то не потому, что она была невозможна в исторически сложившейся системе языка, а только потому, что в лексике языка не было слов со звуком *ѣ*.

Едва ли следует так категорически и без дополнительной аргументации, как это делает Л. П. Якубинский, утверждать, что сочетания типа *tort*, *tort* и т. п. в общеславянском «соответствовали слоговые плавные между двумя согласными: *tr̥t*, *ir̥t*, *it̥t*, *it̥t*» (стр. 143). Та точка зрения, что наличие гласного определенного ряда является для данных сочетаний исконным, а развитие слоговости — явлением вторичного характера, является гораздо более общепринятой. Показания древнейших памятников письменности и сравнительной грамматики славянских языков также скорее свидетельствуют в пользу этой точки зрения.

Наиболее характерным в методологическом отношении в области фонетики является у Л. П. Якубинского учение о двух стадиях фонетического развития славянских языков — слоговой и фонемной. В общеславянский период «основной звуковой ячейкой» выступает не отдельный звук (фонема), а слог», пишет он. Закон закрытых слогов, по мнению Л. П. Якубинского, является выражением того, что звуковые изменения совершаются в пределах той ячейки, которая является слогом. Эта методологическая концепция правильно оценена во вводной статье акад. В. В. Виноградова, как навеянная марровским учением о стадильности и не соответствующая фактам языка.

При рассмотрении вопросов морфологии Л. П. Якубинский также нередко слишком категорически преподносит свои личные или далеко не общепринятые точки зрения. Таково, например, его утверждение о том, что глагольные формы 3-го лица единственного и множественного числа без окончания типа *несе, бере, несу, беру*, являются «с точки зрения славянской» (стр. 228) более исконными. Никаких доводов, подтверждающих данную точку зрения, Л. П. Якубинский не считает нужным привести. Между тем ряд фактов свидетельствует об исконности глагольных форм с окончаниями. Так, в белорусском языке в возвратных формах глагола сохраняется былое *t'* (ср. *насеца, бярэца* из *несеться, беретъся*); если бы в белорусском языке формы без *t'* типа *насе, бярэ, вядзе* были исконными, то они должны были бы иметь место и в возвратных формах, чего, однако, в действительности нет. В чешском языке показатель *t'* отсутствует и во множественном числе 3-го лица. Однако такие формы представляют собою новообразования. Первоначально и они имели элемент *t'*, который позднее был утрачен. «Эта утрата, — говорит А. М. Селищев, — произошла позднее процесса сокращения долгих гласных в конечном открытом слоге. Поэтому долгота слога с *ř, ě* в окончании формы 3 л. множ. удержалась»². В целом, видимо, идея о неформленности 3-го лица глагола заимствована Л. П. Якубинским у Н. Я. Марра.

Еще более странным и совершенно необоснованным является и такое рассуждение Л. П. Якубинского, также относящееся к вопросу об оформлении 3-го лица глагола: «Однако с точки зрения индоевропейской неформленность 3-го лица в славянском является вторичной; еще до возникновения праславянского языка 3-е лицо единственного числа имело оформление *t* (*beret, beret*), которое отпало по закону открытых слогов; 3-е лицо множественного числа имело оформление *nt* (*беру*, ст.-сл. *берѣ* < **beronti*)» (стр. 229). Весь этот абзац представляет какое-то недоразумение. Как известно, для образования настоящего времени служили так называемые первичные окончания; в 3-м лице они имели форму *-ti* в единственном числе и *-nti* во множественном. Ввиду этого звук *t* в 3-м лице глаголов не мог отпасть по закону открытого слога, так как фактически он не являлся конечным.

Вызывает возражение объяснение форм повелительного наклонения нетематических глаголов. Автор придерживается здесь широко распространенной точки зрения, что эти формы образовались посредством суффикса *jь*, соответствующего и.-е. *jēs*. Недостатком подобного взгляда является то, что необъяснимым остается возникновение *ь* из *ēs* на конце слова. А. Мейе, считающий возникновение *ь* из *ēs* загадочным, тем не менее принимает объяснение форм повелительного наклонения на основе суффикса *jēs*.

Более приемлемым является, как нам кажется, объяснение этих форм на основе суффикса, который представлен санскр. *dhi*, греч. *ði*. Поскольку основа большинства нетематических глаголов оканчивалась звуком *d* — *dad-*, *ǵd-*, *ǵǵd-* (ср. и примыкающую к ним основу *vid-*), то в этих формах возникало двойное *d* перед гласным переднего ряда (*ǵddi* и т. п.). По мере того как развивалось смягчение этого долгого согласного перед гласным переднего ряда *i*, на конце слова переходившим в *ь*, это *d'* разделяло судьбу сочетания *dj*, где также развивалась долгота *d*, в связи с его ассимиляцией согласному *j*, т. е. возникало *ǵjǵddь, ǵjǵсь, dǵjǵddь, dǵjǵсь* и т. п. Таким образом, здесь имели место процессы, аналогичные изменению *tekti > tetti > tešti* или *teči*. Изменение группы *-kti* в *-ti* или *-či*, кстати, тоже не раскрыто Л. П. Якубинским, и сущность имевших здесь место процессов не показана (см. стр. 137, 253).

Неправильно освещается в отделе грамматики и образование форм повелительного наклонения. Указывая, что древнерусское повелительное наклонение является по своему происхождению индоевропейским желательным, Л. П. Якубинский считает характерным суффиксом, выступавшим при его образовании, дифтонг *oi* (стр. 227—228). В действительности же, как известно, суффиксом этого наклонения был формант *i*, представляющий собою редуцированную степень *jē*. Дифтонг *oi* являлся, таким образом, не суффиксом, а результатом сочетания гласного основы *o* глаголов I—II классов и суффикса *i*; этот дифтонг на конце слова изменялся в *-i* (ср. *бери*), а в середине слова после исконно твердых согласных — в *-ъ* (ср. *берѣмъ*).

² А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. I, М., Учпедгиз, 1941, стр. 163.

Считая дифтонг *oi* суффиксом, Л. П. Якубинский полагает, что «в глаголах с мягкой согласной или *i* в 1-м лице настоящего времени (*знаю, хожу*) в соответствии с *oi* находим и (*i*): *знаимъ, ходимъ, знаите, ходите*» (стр. 228). Здесь, в свою очередь, смешаны два разных типа образования. От глаголов типа *знаю* при образовании форм повелительного наклонения имело место соединение гласного основы *знаi/o-* с формантом *i* — суффиксом опатива. Что же касается глаголов типа *хожу*, то здесь при наличии *i* в основе глагола *ходи-* имело место слияние этого *i* с тем, которое было представлено в суффиксе.

Ничем не обосновано и не мотивировано обозначение суффикса сравнительной степени посредством *-ъs-* (стр. 208). Как известно, древнейшим суффиксом сравнительной степени были *-ějъs-, -jъs-*. Из конечного *s* ни при каких условиях не мог образоваться звук *š*. Форма *новъи* возникла не из *новějъs*, как думает Л. П. Якубинский, а из *нов-čějъs*, где *s* действительно отпадало на конце слова. Согласный *š* возникал в этих формах лишь в косвенных падежах.

Неверно и утверждение, что сложное будущее формировалось со связками *хочу, начну, почну, буду* и инфинитивом спрягаемого глагола (стр. 237). Связка *буду* в сочетании с инфинитивом для обозначения будущего времени в личном значении вообще первоначально не употреблялась. С другой стороны, пропущен глагол *иму*, который в сочетании с инфинитивом использовался для обозначения будущего времени.

Автор утверждает далее, что в белорусском языке у имен одушевленных в дательном падеже единственного числа употребляется старое окончание основ на *-i*: *-ови* (стр. 185). В действительности такое окончание в белорусском литературном языке совершенно не употребляется, а в говорах отмечается исключительно редко. «Что касается живой белорусской речи, — говорит Е. Ф. Карский, — то, вообще говоря, она не знает *-ови/-еви...*».

Непоследовательно обозначаются в отделе грамматики основы имен; обычно при этом обозначении автор использует индоевропейские показатели *-o-, -a-, -i* и др.; но основу на *-i* он почему-то передает славянским рефлексом *-i* в положении перед гласным *-ъo-* (стр. 163).

В отделе синтаксиса у Л. П. Якубинского имеется утверждение, что дательный падеж без предлога в древнерусском языке «обозначал направление к данному пункту с заходом в этот пункт (дательный инклюзивный), а предложный оборот с *къ* обозначал направление к данному пункту без захода в него (дательный эксклюзивный)» (стр. 176). Это положение может оспариваться на основе анализа данных памятников письменности. Беспредложные конструкции с дательным падежом (здесь чаще всего встречаются названия городов при формах аориста *иде* и *приде*) нередко представляют обозначение направления к данному пункту, без захода в него. Ср., например, при аористе *иде*: *Иде Ярославъ Новугороду* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 147; в Радз. и Акад. сп. — *къ Новугороду*)⁴; *Прочиши же идоща Царюграду и Греки* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 77; в Радз. и Акад. сп. — *къ Царюграду*); *И иде Володимерь съ Добрынею уемъ своимъ Новугороду, а Святославъ Переяславцю* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 68; в Радз. и Акад. сп. — *къ*); *И возложи на ня дань тяжскую; 2 части дани идета Киеву...* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 58); *В лѣто 6455, иде Волга Новугороду...* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 58); в Радз. и Акад. сп. — *къ Новугороду*); *Виде Вячеславъ в Переяславъ и Турову иде Стославъ Всеволодичъ* (Сузд. лет. по Лавр. сп., 310; в Радз. и Акад. сп. — *а къ Турову*); *Андрѣи же... иде от отца своего Суздаю* (Сузд. лет. по Лавр. сп., 335; в Радз. и Акад. сп. — *къ Суздаю*).

Только в единичных примерах можно усматривать в форме дательного падежа значение направления к данному пункту с заходом в него. Например: *Иде Киеву и творяше требу кумиромъ с людьми своими...* («в Киеве») («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 80; в Радз. и Акад. сп. — *приде къ*); *В то же лѣто (1135) ис Турова иде Изяславъ в Мѣньскъ оттолѣ же иде Новугороду в братѣи* (Сузд. лет. по Лавр. сп., 302).

Дательный падеж при аористе *приде* мог обозначать как место, к которому направлено движение, так и место, в которое направлено движение. Первый оттенок значе-

³ Е. Ф. Карский, *Белоруссы*, т. II, 2, Варшава, 1911, стр. 166.

⁴ В настоящей статье приняты следующие сокращения: «Пов. вр. л.» по Лавр. сп. — «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910; Сузд. лет. по Лавр. сп. — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, «Полное собрание русских летописей», т. I, вып. 2, 2-е изд., Л., Изд-во АН СССР, 1927; Ипат. лет. — Ипатьевская летопись, «Полное собрание русских летописей», т. II, вып. 1, 3-е изд., Пг., 1923; Радз. сп. — Радзивиловский список «Повести временных лет»; Акад. сп. — Академический список «Повести временных лет»; «Сл. о п. И.» — «Слово о полку Игореве», лит. по 2-му изд. А. С. Орлова, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946; Никон. лет. — Никоновская летопись, летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, «Полное собрание русских летописей», т. XIII, СПб., 1904. Мат-лы и докум. по ист. СССР — Материалы и документы по истории СССР, вып.

ния дательного падежа при глаголе *приде* можно видеть в следующих примерах: *„Ярославъ же... приде Волюню, и стаиша оба полъ рѣкы Буза“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 139; в Радз. и Акад. сп. — к Волюню); *„Святославъ же приде ночью Вышегороду“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 129; в Радз. и Акад. сп. — к Вышегороду); *„И приде Смоленску, и приде отъ Смоленска...“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 132; в Радз. и Акад. сп. — к Смоленску); *„Придоша Царюгороду, внидоша ко царю“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 105; в Радз. и Акад. сп. — и придоша ко); *„Прииде Стославъ Переяславу и затворишася Болгаре в городъ и изглагоша Болгаре на стѣху противу Стославу...“* (Ипат. лет., 58). Во всех приведенных примерах более поздние списки летописи дают конструкции дательного падежа с предлогом *к*.

Второй оттенок значения дательного падежа при глаголе *приде* можно видеть в следующих примерах: *„Всеславъ не поиде противу; и приде Бѣлугороду Всеславъ...“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 168; в Радз. и Акад. сп. — к); *„Котопанъ же прииде Корсуню похваляше...“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 162; в Радз. и Акад. сп. — в Корсунь); *„То слышавъ Святославъ вборзъ вѣде на конь съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова мать свою и дѣти своя...“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 66; в Радз. и Акад. сп. — к Киеву); *„Святнаде же приде Киеву къ Ярополку“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 72; в Радз. и Акад. сп. — к киеву); *„Слышавъ же Ярославъ волзвы, приде Суздалю...“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 114); *„И възвратися Ярославъ, приде Новгороду“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 144). В приведенных примерах более поздние списки не всегда дают конструкции дательного падежа с предлогом *к*; во многих случаях дательный падеж или остается без предлога, или заменяется винительным падежом с предлогом *в*. Таким образом, утверждение Л. П. Якубинского о том, что дательный беспредложный в древнерусском языке всегда обозначал только направление к данному пункту с заходом в него, не подтверждается.

Конструкция «*к* плюс дательный падеж» также имела разные местные значения. Вопреки мнению Л. П. Якубинского, она могла обозначать направление к данному пункту с заходом в него. Например: *„Поставляя поны и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, велѣ имъ учить люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 149); *„Тѣй... скочи къ граду Киеву и дотчеса стружисемъ злата стола киевскаго“* («Сл. о п. И.», 73); *„И бѣста у него 2 мужа... и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 20); *„Нынѣ же уидомъ есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему“* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 47); *„Володимиръ... прииде къ Киеву, творяше потребу кумиромъ съ людьми своими...“* (Никон. лет., 41).

Такое употребление конструкции «*к* плюс дательный падеж» мы находим и в памятниках более позднего времени. Например: *„Посадские многие люди, лѣзотя себе, чтоб им в городах податей никаких не платить, приехали к Москве, живут на Москве и по городам у племен и у друзей“* (Мат.-лы и докум. по ист. СССР, 6); *„... и видя свою вину, тот Роман к Москве не едет и девки не везет другой год...“* (Яковл., Холопство и холопы..., 395).

Во всех приведенных примерах движение предмета завершается вступлением в пределы указанного именем существительным пункта, т. е. мы имеем здесь конструкции, параллельные сочетанию предлога *в* с винительным падежом, и лишь в последующий период конструкции с предлогом *в* становятся исключительно распространенными для обозначения направления движения с заходом в данный пункт: *приехал в Москву*.

В области синтаксиса сложного предложения Л. П. Якубинский придерживается общеизвестной теории, представленной, например, работами Вундта⁵, согласно которой сочинение предложений есть первичная форма сложного предложения, а подчинение — его вторичная форма, которая вырастает из первой.

Преобразование сложносочиненной конструкции в сложноподчиненную состояло, по мнению Л. П. Якубинского, в том, что в одно из сочиненных предложений вводился союз. Так, предложение *И скопиха все и выслалъ изъ города къ воеводѣ* является сложносочиненным предложением, а предложение *И яко скопиха все и выслалъ изъ города къ воеводѣ* — сложноподчиненным. Когда в одно из сложносочиненных предложений вводился союз *яко*, тогда это предложение становится придаточным по отношению к другому, которое ввиду этого становится главным.

Нельзя возражать против того, что союзы сложноподчиненных предложений могут вводиться в структуру простого предложения и приводить к образованию сложно-

5-й, М., 1941; Яковл., Холопство и холопы... — А. Яковлев, Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1943; Булах. — Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, 3-е изд., Киев, «Радянська школа», 1950; Котош. — Г. Котошихин, О России, в царствование Алексея Михайловича, 2-е изд., СПб., 1859.

⁵ См., например, W. W u n d t, Völkerpsychologie, «Die Sprache», B. I, Teil 2, Stuttgart, 1921, стр. 305.

подчиненного предложения. Однако введение в одно из сочиненных предложений подчинительных союзов не может быть первоначальным этапом образования сложноподчиненных предложений хотя бы потому, что оно предполагает наличие уже сложившихся подчинительных союзов. Следует, стало быть, еще доказать возможность возникновения подчинительных союзов на базе сочинительной связи предложений. Л. П. Якубинский и сам признает, что подчинительные союзы не образовались из сочинительных союзов. Он пишет: «Сравнивая между собой русские сочинительные и подчинительные союзы, мы убеждаемся, что объяснение сочинительных союзов вроде *и*, *но*, *да* представляет значительные затруднения и требует специального монографического исследования; в то же время объяснение подчинительных союзов вроде *что*, *чтобы*, *так как*, *потому что*, *который*, *когда*, *если* и др. не представляет никаких затруднений: это в большинстве вчерашние местоимения или местоименные наречия и их комбинации между собой или с частицами» (стр. 266).

Таким образом, подчинительные союзы по своему происхождению не связаны с сочинительными союзами. Если бы сложноподчиненные предложения представляли собою дальнейшее развитие сложносочиненных предложений, то и подчинительные союзы должны были бы представлять собою дальнейшее развитие сочинительных союзов. Но этого в действительности нет и не может быть принципиально: на базе сочинительных отношений предложений могут возникнуть только такие союзы, которые обслуживают именно связь сочинения.

Кроме того, в этой теории остается неясным, являются ли сложносочиненные предложения элементом отрицающего качества или они, как и сложноподчиненные предложения, представляют элемент нового качества. Если бы подчинение вырастало из сочинения и первое противостояло второму как элемент нового качества элементу старого качества, то связь сочинения должна была бы в истории русского языка постепенно отмирать. Между тем в действительности и в современном русском языке, и в его истории функционируют и развиваются не только сложноподчиненные, но и сложносочиненные предложения, а совершенствование тех и других диктуется все усложняющимися потребностями жизни и опирается на уже сложившуюся ранее систему синтаксических средств.

Реально развитию в языке как сложносочиненных, соответственно оформленных, предложений, так и предложений сложноподчиненных предшествовал определенный уровень развития структуры простого предложения. Так, уже были выработаны предложения разных модальных планов: повелительные (*принеси воды*), вопросительные (*где ты был, куда ты пошел, откуда ты пришел* и т. п.), повествовательные с разными формами времени в сказуемом (*несет* (настоящее время), *несог* (прошедшее, аорист) и др.). Существовала также простая грамматическая связь следования одного предложения за другим. Такая связь могла существовать между предложениями повествовательного модального плана, а также между предложением повествовательного плана и предложениями других, косвенных модальных планов.

В древнерусском языке пережиточно еще сохранялась такая связь предложений повествовательного модального плана, когда само следование одного предложения за другим было явлением грамматическим и имело соответственное грамматическое оформление. Грамматическая связь следования одного предложения за другим была выражением самих нерасчлененных отношений между предложениями. Эта грамматическая связь была не настолько определенной, чтобы можно было считать следующие друг за другом предложения частями одного сложного предложения: но все же она была достаточно определенной, чтобы не считать следующие друг за другом предложения грамматически независимыми.

Сложносочиненные предложения в большинстве случаев возникали на базе грамматической связи следования предложений повествовательного модального плана. Поскольку повествовательные предложения, следующие в речи одно за другим, вступают в такую тесную связь, которая делает их частями одного сложного предложения, и поскольку эта связь все более расчленяется и обогащается, постольку развиваются и обогащаются грамматические связи между простыми предложениями, образующими одно сложное предложение.

Грамматическая связь следования одного повествовательного предложения за другим осуществлялась по принципу грамматического нанизывания однородных предложений на однородную нить повествования. Границами перерыва в следовании одного предложения за другим был перерыв нити повествования. Следование одного предложения за другим не представляло условий для образования и оформления определенных связей между предложениями.

Необходимость установления оформленных отношений между определенными, следующими друг за другом предложениями требует устранения грамматической связи в виде простого лишь следования одного предложения за другим. Потребности усложняющегося и развивающегося мышления и обрекают на отмирание этот вид грамматической связи и заменяют его более определенными и оформленными связями между предложениями.

Ряды простых повествовательных предложений, объединенных грамматической связью следования одного за другим, разрываются в слабых звеньях, т. е. в звеньях, не содержащих иной связи, кроме простого следования, и объединяются в сложные предложения в качестве их частей в сильных звеньях, т. е. в звеньях, содержащих не только связи следования, но и связи их определенной смысловой зависимости. Так возникают многие виды сложносочиненного предложения из простых предложений повествовательного модального плана. Они возникают в языке как новое, нарождающееся явление, которому соответствует грамматическая связь следования предложений — явление старое, отмирающее.

В грамматическую связь следования могли вступать и предложения разных модальных планов; это приводило к тому, что простые предложения с косвенным модальным планом втягивались в более тесную связь с повествовательными предложениями; утрачивая свой прежний косвенный модальный план, они приобретали повествовательный модальный план и использовались для раскрытия, уточнения другого предложения повествовательного плана.

Сложноподчиненные предложения в большинстве случаев возникали на базе грамматической связи следования предложений повествовательного модального плана и предложений косвенных модальных планов. Так, например, для объяснения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, в древнерусском языке использовались вопросительные предложения с вопросительным словом *яко* плюс *бы*; в данном случае вопросительный модальный план относился к обстоятельству, принимаемому на себя функцию формы, объясняющей цель действия. Например: *Да те же наши изменники возмущили народ, якобы и нас убити* (Послание Иоанна Грозного Курбскому, см. Булах., 317).

Для объяснения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, использовались предложения с вопросительным словом *что* в творительном падеже в сочетании с *бы*; в данном случае вопросительный модальный план относится к орудийному значению, выражаемому творительным падежом. Например: *Умыслили написать на того боярина и на иных трех воровские листы, чем бы их известъ и учинитъ в Москве смуту для грабежу домов* (Котош., 101). В этом придаточном предложении значение цели наслаивается на значение вопроса, отнесенного к орудию действия.

Для обозначения цели действия, выраженного глаголом повествовательного предложения, использовались предложения с повелительной формой глагола, т. е. предложения с повелительным модальным планом. Таким образом, в древнерусском языке предложения с повелительной формой глагола могли принимать на себя функцию придаточного предложения цели при другом, главном предложении. При этом форма повелительного наклонения примыкает к предыдущему предложению непосредственно, т. е. без посредства союзов. Например: *То есмь все дал своей княгине ать молитъ бога, а душу мою поминаетъ до своего живота* (Духовная великого князя Семена Ивановича. См. Булах., 316). Здесь в придаточном предложении представлена форма повелительного наклонения с частицей *ать* или *да*.

Таким образом, подчинение не вырастает из сочинения; сложноподчиненные конструкции возникают не на основе сложносочиненных конструкций, а те и другие являются элементами нового качества, они возникают на одной основе, но разными путями и представляют собою разные, но равно необходимые пути совершенствования сложного предложения, являются одинаково необходимыми современными формами сложного предложения.

В целом «История древнерусского языка» Л. П. Якубинского представляет собой полезный труд. Нельзя не согласиться с оценкой этой книги ее редактором акад. В. В. Виноградовым, который подчеркивает как достоинство книги то обстоятельство, что в ней поставлен ряд вопросов, толкающих читателя «к размышлениям и поискам новых фактов, к углубленному конкретно-историческому исследованию русского языка» (стр. 40). Акад. В. В. Виноградов охарактеризовал в своем вводном очерке не только положительное содержание рецензируемой работы, но и ее общие методологические недостатки. Он пишет: «... работа Л. П. Якубинского лишена твердой методологической основы. В этой работе — при субъективном резком отталивании автора от так называемого „нового учения“ о языке акад. Марра, кое в чем еще сказываются объективные следы влияния этого „учения“ на теоретическую мысль Л. П. Якубинского... Поэтому необходимо строго критическое отношение и к общей историко-лингвистической концепции автора, и к отдельным его положениям» (стр. 40).

Посмертное издание труда Л. П. Якубинского принесет свою пользу советскому языковедению. Однако нельзя не пожалеть о том, что издатели выпустили этот труд без необходимой проверки его фактического материала; наличие серьезных фактических ошибок, недопустимых в учебном пособии, значительно снижает ценность этого в общем полезного издания.

Т. П. Ломтев